

Интервью с Оксаной Владиславовной КАРПЕНКО

«ТАК ИЛИ ИНАЧЕ, СВОЙ ВЕЛОСИПЕД Я ИЗОБРЕЛА»

Карпенко О. В. — окончила факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета (1993 г.) и факультет политических наук и социологии Европейский Университет в Санкт-Петербурге (МА, 1998 г.). С 1994 г. работает в Центре независимых социологических исследований (ЦНСИ), исполнительный директор (с 2013 г.). Основные области научного интереса: исследования миграции, национализма, современный расизм, (критический) анализ дискурса.
Интервью состоялось: сентябрь 2014- июнь 2015 г.

Завершено очередное интервью с коллегой — Оксаной Владиславовной Карпенко. Но сначала хочется сказать не по следам беседы (так я часто называю проводимые мною по электронной почте интервью) с ней, а о ряде более общих моментов. С одной стороны, к этому подталкивает только что законченная работа, с другой — это обусловлено спецификой особенностью фазы моего одиннадцатилетнего продолжающегося исследования истории советской / российской социологии.

Просматривается конец июля 2015 года, в галерее участников моих бесед свыше 120 портретов. Уже более месяца я не начинаю новых интервью, лишь завершаю давно начатые, пишу вводные тексты, передаю Елене Григорьевой для размещения на сайте http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207. Теперь, когда обращаюсь к этой веб-странице, испытываю странные чувства.

Мне не верится в то, что все беседы с моими коллегами — за исключением двух случаев — проведены мною. Личное интервью с Альбертом Барановым, состоявшееся в 2007-2008 годах, было записано на диктофон и транскрибировано Машей Алесиной; теперь и интервью с нею завершено. Есть в галерее и фотопортрет Андрея Полетаева, однако с ним я вообще не общался, я узнал о его работах только через несколько лет после его смерти. О нем и о себе рассказала Ирина Савельева, прожившая с ним многие годы и написавшая с ним несколько пионерных работ по социологии и истории знания.

Я благодарен всем моим собеседникам за то, что они поверили в серьезность моих намерений использовать получаемую в ходе интервью биографическую информацию для восстановления прошлого и согласились рассказать о себе, своем пути в науку, о своих исследованиях и т. д. Я прекрасно понимаю, что многое в организации столь широкого опроса социологов разных городов и разных возрастов обусловлено тем, что в самом начале проекта он был поддержан делом (участием в опросе) социологов, которые стояли у истоков современного этапа развития российской социологии. К сожалению, некоторых из них уже нет с нами: Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова и совсем недавно ушедшего В. А. Ядова. И все это накладывает на меня ответственность за сохранение и последующий анализ полученной информации.

Когда исследование лишь начиналось, я, естественно, предлагал дать мне интервью тем, с кем работал до отъезда в Америку. В основном это были представители первых поколений советских / российских социологов, которые жили тогда в Петербурге и Москве. Их участие в проекте помогло мне позже получить согласие на беседу со многими социологами (свыше 50 человек), которых я до начала беседы не знал, а некоторых и в принципе не мог знать. Они получили образование и влились в социологию в последние два десятилетия, т. е. уже в период моей жизни в Америке. Замечу, уже сейчас среди моих собеседников девять — представляют VII поколение советских / российских социологов, они родились во временном интервале 1983—1994 гг.; т. е. старшие из них в 1994 году, когда я эмигрировал, пошли в 4—5 классы, а младшие — даже не родились.

Не знал я на момент обращения с просьбой рассказать о себе и Оксану Карпенко, я написал ей по предложению П. В. Романова, которое он дал мне совсем незадолго до его смерти. Таким образом, это интервью — это исполнение одного из его завещаний.

Оксана принадлежит к младшей страте социологов V поколения, тех, кто родился в промежутке 1959—1970 гг.. Поскольку к настоящему времени проведены интервью с 17 исследователями этой профессионально-возрастной когорты, постольку в будущем можно будет не только рассмотреть траекторию ее движения в социологию, но сопоставить ее путь с тем, как входили в науку исследователи ее поколения и старшие из представителей VI поколения.

Но рассказ Оксаны — это не только ее (профессиональная) биография, это ценнейший материал для изучения истории освоения российскими социологами методологии и технологии качественных (мягких) методов; ведь в доперестроечной социологии отношение к ним было весьма настороженным, нередко — резко критическим. Сегодня в моем архиве есть воспоминания многих, кто успешно использовал и использует философию и методы качественной социологии, кто «пробивал» право работать в этой парадигме и теперь передает свой опыт другим. Назову лишь несколько имен: В. М. Воронков, А. С. Готлиб, Е. А. Здравомыслова, В. И. Ильин, Л. Г. Ионин, П. В. Романов, И. Н. Тартаковская, А. А. Темкина, Е. Р. Ярская-Смирнова и др.

В первые годы накопления интервью (2005—2007 гг.) мне часто задавали вопросы о репрезентативности совокупности моих респондентов. Хотя в те годы проблема репрезентативности меня не занимала, так как я не предполагал, что процесс интервьюирования растянется на десятилетие и не думал, что количество

интервью когда-либо будет исчисляться десятками (тем более — достигнет и перешагнет сотню), я не мог не задумываться о ней. Но здесь всегда существовало по крайней мере два аспекта.

Первый, логический, — неопределенность генеральной совокупности, которую надо репрезентировать. Тем более, что процессная сущность проекта, с особой силой проявившая себя в 2014 году, поставила вопрос о репрезентации меняющейся во времени генеральной общности. Так, в 2005—2006 годах наше профессиональное сообщество фактически было четырехпоколенным, и пятая генерация (родившиеся в 1959—1970 гг.) лишь начинала заявлять о себе. Но к 2014 году созрели предпосылки для изучения уже семи поколений социологов, два младших из которых — «чисто» российские. Они входили в социологию после распада СССР.

Второй аспект — организационный; я всегда работал один и осознавал невозможность принципиального увеличения объема выборки. К тому же следует напомнить, что в начале 2000-х электронная почта еще не стала в России обыденностью. Ко многим из тех, с кем я хотел бы побеседовать, я не мог обратиться. Проблематичным казалось и обращение к социологам, работавшим вне двух столиц. Я просто не знал того мира, очень мало был знаком с теми людьми.

Со временем, когда количество законченных интервью заметно выросло (я постоянно стремился максимально широко освещать развитие проекта), меня реже стали спрашивать о репрезентативности выборки. Полагаю, что это произошло не только (возможно, не столько) в силу увеличившегося числа опрошенных респондентов, но потому, что за истекшее десятилетие наше профессиональное сообщество стало лучше понимать методологию качественного анализа и не подходить к исследованию, базирующемуся на изучении биографий, с критериями, принятыми в демоскопических студиях.

Здесь требование количественной репрезентации не исчезает, но уступает место критериям полноты выявления и описания исследуемых ситуаций, процессов, «случаев». Конечно, каждый человек, рассказывает историю своей семьи, описывает этап своей ранней социализации, получение им образования, начало и развитие его собственной карьеры и, таким образом, выстраивает нечто уникальное, единственное. Вместе с тем это уникальное во многом является цепочкой сюжетов, фактов, аргументов, часто встречающихся, повторяющихся в биографических повествованиях его коллег, прежде всего — его ровесников и представителей его социологического поколения. Все более или менее часто встречающиеся жизненные коллизии образуют «матрицу событий», или «событийный каркас» большинства биографий.

Пока количество интервью оставалось небольшим, содержание каждого нового заметно увеличивало количество оказавшихся в сфере внимания биографических историй, или ячеек матрицы событий. Другими словами, это означает, что результаты анализа собранной информации имели низкую логическую валидность. Но постепенно, с ростом числа бесед новые ячейки в матрице стали появляться все реже, происходило лишь уточнение границ уже существующих. Вот это-то и позволяет говорить о валидности, или логической репрезентативности, собранного массива информации.

Относительная стабильность «матрицы событий», построенной на базе проведенных интервью, позволяет допускать, что уже собранный массив информации достаточно репрезентативен (в указанном выше смысле), а выводы и гипотезы нашего историко-социологического проекта валидны и могут рассматриваться как полигон для продолжения исследований. Мне уже не раз приходилось примерами иллюстрировать общность макро- и микро обстоятельств, детерминировавших характер движения людей в социологию и много объясняющих в их жизни в профессии. Рассмотрим еще один «кейс».

Около года назад, рассказывая о своем пути в науку, Денис Подвойский¹ отметил, что еще в школе он прочел книгу Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» и обратил внимание на утверждение Бердяева о том, что большевизм в России – это закономерное порождение всей истории развития страны. Поступив на философский факультет МГУ, Денис прочел множество философских, социологических, исторических, политологических и экономических исследований, имевших прямое отношение к интерпретации российского опыта XX столетия. Он многое конспектировал, только цитатник занимал две толстые тетради в клеточку, и в итоге возник его «Мегапроект». В ходе этой работы он пришел к своей трактовке истории как закономерному процессу, в ходе которого «определенные комплексы причин, объективных и субъективных, природных, экономических, политических, культурных, сцепляясь друг с другом, приводят к определенным последствиям и поток реальности настоящего застывает, превращая вариативное, становящееся будущее в ставшее, “неслучайное” прошлое». Через несколько лет на базе одной из частей этого мегапроекта он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию “Антиномия Россия – Запад” в концепциях культурной самобытности». Пять лет спустя, в 2005 году, этот текст, примерно четверть первоначальной работы, он опубликовал в виде монографии. И вот через десять лет после этого, уже в ходе интервью, Подвойский приходит к выводу: «...сегодня многие пассажи из писаний той поры кажутся мне просто смешными, но вместе с тем, я не могу сказать, что все написанное тогда в содержательном отношении было абсолютно неверным. Багаж, который я тогда накопил, “надумал” и “передумал”, “обмозговал”, прописал, остался со мной и поныне, и отчасти работает».

Я по собственному опыту знаю, насколько полезен, плодотворен подобный путь вхождения в науку, в новую тему. Конечно, в первую очередь таким образом находят «свое» молодые люди, которые имеют практически неограниченное время для чтения и размышлений и которые в силу понятных причин свободнее старших исследователей от самокритики. И мне хотелось, чтобы кто-либо из моих молодых собеседников рассказал о себе, нечто схожее с историей Дениса Подвойского. Это придавало бы его опыту некую универсальность и, как следствие, переводило бы из разряда «случайных» событий в множество закономерных, но, возможно, редких событий.

И мне было приятно обнаружить нечто подобное в интервью с Оксаной Карпенко. Она пишет: Если бы я не наткнулась на «Тектологию» Александра Богданова <...>, то, возможно, ничего профессионального в социологии со мной не случилось бы». Эта событие подтолкнуло Оксану к активному чтению классиков и современников, работавших в области, очерченной в 1920-х годах

¹ Подвойский Д. Г. «...Я живу в 114-м году XX века» http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=113

Богдановым, и в конце концов завершилось написанием 100 страничной рукописной дипломной работы, которую она позже называла «общей теорией всего». Прошло два десятка лет, но и сейчас, по ее мнению, то была то «не глупая была работа. Даже в чем-то умная...». Тогда Оксана думала, что нашла точку опоры в исследованиях мира социальных отношений, отсюда и ее вывод: «Так или иначе, свой велосипед я изобрела». И хотя позже ей пришлось кардинально пересмотреть парадигму восприятия социального мира, вся та работа не была бесполезной.

Постепенно, из таких зарисовок, случаев складывается история становления и развития советской / российской социологии. История — «человекоцентричная», не единственно верная, но необходимая.

Карпенко О. В.: «Так или иначе, свой велосипед я изобрела»

Оксана, уже писал Вам, что обратиться к Вам с просьбой рассказать о жизни, буквально за несколько дней до смерти посоветовал мне Павел Васильевич Романов... наша всех огромная потеря... Где и когда Вы с ним познакомились? Что Вас связывало, объединяло?

Память стерла обстоятельства знакомства с Павлом. Мне кажется, я всегда знала о саратовском центре (ЦСПГИ), который Павел создал. Меня всегда впечатляла работоспособность и продуктивность тандема Павла и Елены. По-белому завидовала их энергии, работоспособности, таланту. Того, что Павлом сделано, хватило бы на несколько жизней. И, что важно, при постоянной загруженности работой, он оставался жизнерадостным, открытым, ироничным человеком. Последний раз, когда мы встречались (я участвовала в конференции и праздновании юбилея «Журнала исследований социальной политики и кафедры социальной работы» в СТУ в ноябре 2013), ничто не выдавало его болезни, он был жизнерадостен, шутил...

Оксана, я Вам больше скажу, когда я проводил интервью с Павлом, я знал, что он был в больнице, но и для меня оказалась шоковой информация о его смерти. На пару вопросов он не успел ответить...

Чаще всего имя Оксана дают девочкам в украинских семьях или в тех, в которых кто-либо из родных долгие годы был связан с Украиной. В вашем случае это так? И вообще, насколько глубоко Вы знаете историю своей семьи?

Вопрос довольно регулярно возникает, ибо у меня не только имя, но и фамилия «украинские». Я часто объясняю этот факт – «Оксана Карпенко» – семейной историей. У нас в семье принято считать, что фамилия появилась из «белорусской» – Карпеко – в ходе получения паспорта прадедушкой. Паспортистка якобы неправильно услышала и вписала в документ «КарпеНко», а предок решил не исправлять ошибку... Честно говоря, я никогда не исследовала этот вопрос: что за документ, кто из предков, где и когда это произошло... и произошло ли...

Насколько я знаю, имена – Оксана и Юля (моя сестра) – были выбраны как подходящие к фамилии и редкие (по тем временам). Так что при выборе имени, вероятно, учитывалась сочетаемость с фамилией, относительная редкость и никаких этнокультурных мотиваций.

Историю семьи знаю плохо, родители этим особо не интересовались, а я как-то так и не нашла времени разобраться. Знаю не дальше прабабушек/прадедушек. Прадедушка по линии мамы был хорошим портным, прабабушка помогала ему и занималась домашними делами. Прадедушка по линии папы работал на химическом факультете в Санкт-Петербургском университете. По рассказам бабушки, их семья (когда она была маленькой) жила в нижнем этаже «12 коллегий». Про бабушек и дедушек знаю больше. Застала почти всех, кроме дедушки по папиной линии, который погиб под Ленинградом во время войны. (Бабушка в 1960-х снова вышла замуж, уравнивая число бабушек и дедушек).

Дедушка по маме всю жизнь работал на заводе квалифицированным рабочим. Был на фронте, выжил, вернулся. Бабушки работали тоже на заводах (одна у станка, другая в каком-то техническом отделе)...

Уже Ваш прадедушка работал в СПб, какого же Вы поколения петербурженка/ ленинградка/петербурженка? А кто по профессии Ваши родители?

Все известные мне предки (кроме одного прадедушки, который, в соответствии с изложенной выше историей, был из Белоруссии) жили в Петербурге-Петрограде-Ленинграде-Петербурге. Но, как я говорила, что-то известно мне только о трех предыдущих поколениях. Как дела обстоят с более ранними периодами истории, мне не известно.

Что касается профессий... Бабушки-дедушки были рабочими-служащими, высшего образования не имели, высоких постов не занимали. Как-то в разговоре бабушка (работала на заводе у станка) поинтересовалась, что я делаю на работе (я тогда уже закончила университет и работала в ЦНСИ). После моего: «с людьми разговариваю, статьи пишу, на конференции езжу...», — она несколько раздраженно: «ну это понятно, а делаешь-то что?»

Папа — инженер, работал зам.главного инженера на одном из «номерных» заводов, производящих что-то секретно-спутниковое и официально-ширпотребовские магнитофоны «Орбита», — играл на гитаре, в молодости всерьез занимался туризмом, ходил в горы и нас приучил к походам. Мама — поверитель, работала на том же заводе в отделе метрологии, добрейший и, как я поняла повзрослев, очень мудрый человек.

Ввиду хобби папы (фото и киносъемка), у нас сохранилось много документальных свидетельств о жизни семьи и отдельных ее членов. Сначала он снимал на 8 мм пленку, потом появилась видеокамера...

Итак, судя по вопросам бабушки и характеру деятельности родителей, Ваше движение в сторону, условно назовем ее ЦНСИ, не связано с продолжением семейной традиции. Может быть школа дала начала Вашему движению в ту сторону?

Сложно говорить о какой-то «семейной традиции». Папа был инженером, поощрял мой интерес к точным наукам, но с точными науками роман не сложился. К физике и химии относилась спокойно, математика мне нравилась (особенно геометрия, т.к. там было меньше абстрактных формул, которые надо запоминать), но на первом курсе университета выяснилось, что и ее я знала слабо. (Одна из двух университетских «троек», заработанных непосильным трудом на первом курсе, была по высшей математике). Мама видела во мне будущего профессионального демагога. Полагаю, я временами сильно утомляла родителей пространными глубокомысленными рассуждениями, постоянной готовностью вступить в спор по поводу и без...

В школах, совершенно обычных: сначала на Петроградской стороне (№ 87), потом в новостройке (№ 486) — я никогда не была отличницей, хотя и троек в аттестатах не наблюдалось. Хорошистка, я постоянно подавала преподавателям разного рода надежды и лишь частично оправдывала их. Главным недостатком, который тащу с собой по жизни, была нелюбовь к домашним заданиям. (Привычка к каждодневному рутинному труду так и не выработалась. До сих пор он (мой труд) подчиняется законам вдохновения, зависит от уровня инте-

реса, остроты необходимости и решимости что-то закончить.) Но в школе такой подход иногда встречал понимание и даже некоторое (конечно, косвенное) поощрение. Надежда Алексеевна Седун (математик), видевшая во мне зачатки математических способностей и зная о моей слабости, ставила «5», получив в ходе устного ответа на уроке какое-нибудь оригинальное доказательство очередной невыученной теоремы. Впрочем, это не избавляло меня от «2» в тетрадях (на месте несделанной домашней работы)...

Школьные годы пришлось на застой (1977–1987), и была я в них убежденной пионеркой/комсомолкой, но не карьерно-прагматического, а романтического разлива. Любила геометрию, увлекалась советской научной фантастикой (А. Беляев, в основном) и литературой типа «Честь» Георгия Медынского – лауреата Сталинской премии. Кто знает, поймет... (В поиске уточнения по поводу этого автора, наткнулась на оценку: «его творчество можно рассматривать как пример бездарности, признанной только из политических соображений». Из перспективы меня–тогдашнего-читателя этой бездарности, все не так просто... Мой интерес (на который теперь смотрю с иронией) не был мотивирован политическими соображениями, а был замешен на чем-то другом, имени чему сейчас не найду.

Были в моей школьной жизни упущения, но довольно естественные, если учесть мой образ жизни и мыслей того времени. Когда я училась в 9 классе, пришел к нам в школу и стал преподавать русский язык и литературу Марк Мазья (личность в интеллектуальной среде Ленинграда того времени известная, но мне то было не ведомо). Я знала, что вокруг него возникло подобие неформального кружка или клуба, в который входили и мои соученики. Был в этом кружке какой-то дух интеллектуальной свободы. Впоследствии жалела, что была столь не любопытна.

Стремление изменить мир (советская фантастика и «Честь» тому способствовали), толкнуло меня к выбору психологии в качестве предполагаемой будущей профессии. (Вообще я всегда была высокого мнения о своей способности «разбираться в людях».) Технические и медицинские специальности были отброшены сразу, педагогические и экономические, обмусоленные в мозгу, последовали туда же. Победило желание быть инженером персональных (под) сознаний и душ, обрабатываемых поштучно, а не в массе своей. Не по знаниям амбициозная попытка хорошистки поступить на психфак СПбГУ вскоре закончилась приземлением в инструментальном отделе завода «Пирометр», наградившем меня первой записью в трудовой книжке – кладовщик.

Через несколько месяцев подъемов в 6.30, семейных поездок в переполненных автобусах до «Удельной» (незадолго до того построенная, она была конечной на соответствующей ветке метро) и 10 минутных пробежек от «Петроградской» до завода в страхе оказаться у турникета проходной позднее 8.00 (режимный завод), была по-блату переведена в отдел НОТиУ (научной организации труда и управления) того же завода, где обрела право приходить на работу в 9–10.00 и соприкоснулась с психологией и организацией труда в их человеческом, повседневном измерении...

Жизнь этого отдела достойна отдельного рассказа. Здесь лишь замечу, что на дальнейший выбор профессии в определенном смысле повлияла его руководитель — Елена Владимировна (фамилию забыла), а отрезвляющим на предмет возможных печальных последствий увлечения психологией — общение с Валентиной Болеславовной Лоч (штатным психологом отдела).

Проработав учебный год на заводе, совершенно обезумев от ежедневного раскладывания теста Люшера и чтения разоблачительных исторических документов (то был 1987—1988 год), в доходящем до паники ощущении, что «забыла все» (мой мозг, не способный удерживать неиспользуемую информацию, подавал сигналы о прогрессирующем забывании школьной программы), я решила «во что бы то ни стало в этом году поступить!», и выбор пал на экономический факультет СПбГУ (отделение прикладная социология). По диплому я — социолог-экономист.

И не разговаривали бы мы с Вами сегодня, если бы снова не блат. Папа устроил так, что я поступала как заводской стипендиат. Не думаю, что кто-то кроме меня тогда верил, что на завод вернусь и превращу блат в выгодное для завода капиталовложение. Стипендию мне платил завод (52 руб., тогда как обычная стипендия была, если не ошибаюсь, 46 руб.), бюджетного места я не занимала. Вероятно, это и определило мою профессиональную судьбу, ибо при поступлении на решающем экзамене по истории, за свое невразумительное мычание о Крымской войне, освоении космоса и чем-то еще, я получила безусловно незаслуженную «отлично». Как сейчас помню: беру у экзаменаторов (два молодых мужчины, оба в бородах) листок с оценками, смотрю в него, на экзаменаторов, спрашиваю: «вы смеетесь?», они мне: «вам много?» — и один с ироничной улыбкой тянет руку к заветному листочку... (Они явно развлекались.) Я, не будь дурой, листочек спрятала и, сказав свое: «спасибо, так сойдет», — в полуобморочном состоянии вывалилась в коридор, прямо в объятия пришедшей поддержать меня мамы. Нехороший осадок остался от этого «отлично», но я была в УНИВЕРСИТЕТЕ (!) и решила, что выданный мне заводом и этими бородачниками дядьками аванс обязательно отработаю...

Что и делала. Особенно настойчиво в первый год учебы, честно посещая все лекции и семинары. А мои друзья, вместо Истории КПСС (1 курс, читал проф. Рыбко), ходили в соседний (с экономическим факультетом) к/ф «Ленинград» и посмеивались над моим рвением... Моя должность комсорга тоже не внушала им должного уважения и становилась поводом для легкомысленных шуточек, демонстрирующих идеологическое и моральное разложение тогдашней молодежи. О последнем с цифрами в руках и тревогой в глазах нас информировал проф. В.Т. Лисовский...

Так начались мои отношения с профессиональной социологией. Вернее начались-то они с высадки в составе трудового десанта на поля поселка «Выборжец». Нас проверили на моральную зрелость и физическую стойкость сбором корнеплодов. Испытание полем мы с достоинством выдержали. Мои друзья по университету, с которыми мы в трудовом процессе определились и в отношениях на долгие годы, до сих пор вспоминают о серьезности, с которой я относилась к сбору свеклы...

Как шла учеба? Какие курсы, кто из профессоров наиболее интересовали Вас? Как мне помнится, комсомол постепенно уходил в небытие, какие-либо иные общественно-политические движения привлекали Вас?

Не помню, чтобы в студенческие годы у меня был какой-то интерес к общественно-политическим движениям. Комсомол напоминал о себе только сбором членских взносов. И то, потому что была комсоргом эти взносы вынужденной собирать, а иногда и оплачивать из своей стипендии долги «злостных неплательщиков». Полагаю, это можно рассматривать как своего рода конформизм. Не желая вступать в дискуссии с комсомольским начальством, я предпочитала отдать свой рубль в уплату комсомольских взносов. Не выбивать же несчастные 15 копеек из морально ослабевшего, оголодавшего обитателя студенческого общежития. (Больше половины нашей группы была иногородней.) Не будем забывать, на дворе был конец 1980 – начало 1990-х (пустые полки, продукты по талонам...). Мои соученики голодными глазами смотрели на плавающих или празднично гуляющих вдоль питерских каналов уток, прикидывая, хватит ли ловкости одну из них изловить... До сих пор, собираясь, мы вспоминаем наши «пиры», главным и единственным блюдом которых была жареная картошка с луком...

Из достойных упоминания преподавателей первых университетских лет назову Валерия Савчука. Тогда совсем молодой, умный и ироничный, с очень идущей ему восточной бородкой преподаватель философии. Дважды посчастливилось мне (на экзаменах так выпадало) рассказать ему про мысли Гераклита о непостоянстве жизни. Он же показал нам, что опрос может быть достойным юных умов развлечением, когда вовлек нас в исследование пощечин...

Я помню большинство преподавателей, но мне сложно оценить какие-то курсы, как «интересные». Были преподаватели «с потенциалом», но они редко появлялись на занятиях, передавая свои функции ассистентам. Например, не вполне типично и не скучно проходили семинары Ю. В. Веселова. От его занятий оставалось ощущение работы мысли. Но он редко радовал нас своим вниманием. Проф. Р. П. Шпакова (читала нам курс по истории западной социологии) была специалистом по Максиму Веберу и, надо полагать, пыталась донести до нас его идеи. Но по-настоящему и с интересом я прочитала Вебера только за стенами факультета. Возможно, в этом случае проблемой было отсутствие стимулов и опыта исследовательской (эмпирической) работы в контексте понимающей социологии. Даже полезные знания, которые пытались вложить в наши головы редкие преподаватели типа Риммы Павловны, оставались абстракцией, лишенной практического смысла...

Проблема в том, что социология в исполнении наших преподавателей, увы, была для нас довольно скучной и нудной дисциплиной. (Конечно, нельзя забывать, что речь идет о начале 1990-х, наш факультет возник как самостоятельная единица в 1989 году, когда мы перешли на 2 курс). Социология (как образовательная дисциплина) только формировалась. Советские социологи-исследователи (Ядов, Здравомыслов, Шкаратан и др.), которые, вероятно, могли бы ею заинтересовать, обитали в каком-то параллельном мире. Не помню, чтобы нам рекомендовали читать их работы. Иностранная литература была недоступна, да подавляющее большинство и не читало на иностранных языках. Теперь многочисленных и разнообразных переводных книг по социологии тогда не было.

(Первый переводной учебник Пера Монсона «Современная западная социология: теории, традиции, перспективы» появился в 1992 году). Нельзя также исключать, что я просто чего-то не понимала или была недостаточно любопытна.

Так или иначе, иллюзии о «веселой студенческой жизни» быстро разбились о рутину повседневных зубрежек разрезов и разделов (уже ушедших в прошлое) пятилетних планов, созерцание выхолощенной «научной» дискуссии, ощущение бесполезности получаемых знаний... Чем больше времени я училась, тем меньше понимала, чем я буду заниматься в будущем. Сначала я пыталась (как честный заводской стипендиат) заниматься разными вопросами управления персоналом. Читала переводные книги по менеджменту (они появились раньше переводных книг по социологии)... Но это мало помогало. Если в момент поступления у меня было представление, что социологи – существа, полезные в народном хозяйстве, то на 3 курсе надежда стать полезным членом общества растворилась, к 4 курсу близка к полному разочарованию профессией.

Если бы я не наткнулась на «Тектологию» Александра Богданова (вовсе не социолога, хотя у него и есть околосоциологические работы), не начала интересоваться личностью этого незаурядного человека, то, возможно, ничего профессионального в социологии со мной не случилось бы.

Квинтэссенцией пророщенной в домашних условиях научной мысли (содержащей гремучую смесь из А. Богданова, Г. Гегеля, Н. Винера, Л. фон Берталанфи, чего-то еще), материализовалось в 100 страничной рукописной (!) (компьютеры еще были роскошью) дипломной работе, впоследствии обозначаемой мной не иначе как «общая теория всего». Официально она называлась «Основы методологии комплексного исследования социальных систем». Не глупая была работа. Даже в чем-то умная, но вопиющая о дремучей неосведомленности автора о достижениях современной социальной теории, повествующая о склонности к романтическим фантазиям и очень фрагментарном знакомстве с жизнью. Теперь забавно перечитывать этот текст (дома сохранился черновик). Наивная вера юнца, что нашел он точку опоры и завтра перевернет мир. Только мир неожиданно заартачился, что со временем заставило меня-выскачку, до сих пор питающую надежду его изменить, в корне пересмотреть парадигму его (мира) восприятия. (Но это кровавое побоище с собственной безграмотностью, теоретической и методологической зашоренностью мне еще предстояло...). Так или иначе, свой велосипед я изобрела. Причем совершенно самостоятельно, без участия научного руководителя (А. Н. Сошнев), который предпочел не вмешиваться... И правильно предпочел. Мудро. Спасибо ему за это.

Важным моментом, быть может, не профессиональной, а гражданской социализации в годы университетской отсидки была наша борьба за отмену курса «Научный коммунизм». (Вообще-то протестное движение касалось не только этого курса, а деятельности всей кафедры управления и менеджмента, тогда возглавляемой В. Г. Долговым). Нам его должен был преподавать на 3 курсе проф. Рященко, как нам казалось, ровесник Октября... К тому времени мы уже осуществили «восхождение от абстрактного к конкретному» вместе с проф. В. Я. Ельмеевым, умножать опыт не хотелось... Никем не санкционированную, но признанную нами справедливой борьбу с научным коммунизмом возглавил учившийся в параллельной группе Даниил Цыганков. Он писал какие-то письма, которые мы подписывали, давал интервью... Это был первый опыт успешного

сопротивления и слома уже давно прогнившей, но все еще способной за себя постоять системы. Если бы не активность Даниила, то, может, нам бы и не избежать погружения в глубины (или восхождения к вершинам) научно-коммунистической мысли... Но нам повезло или время уже пришло. Шел, если не ошибаюсь, 1991 год. Испытывать молодые умы научным коммунизмом стало не модно...

Через пару лет (1993) университет был благополучно закончен. В аттестате числились две «удовл.» (по высшей математике и промстатистике, полученные в первом семестре 1 курса), которых не стыжусь. В остальном снова «хорошистка», отличившаяся в дипломе и на госэкзамене и вышедшая из стен вуза с верой в свое всемогущество. (Если помните, в кармане лежала «общая теория всего»). Владимир Козловский, разглядевший не по годам прыткую и амбициозную девицу, посоветовал поступать в аспирантуру факультета, а параллельно «идти зарабатывать к Воронкову». (До сих пор некоторые полагают, что в ЦНСИ люди «зарабатывают (большие) деньги». Не будем разрушать их иллюзии...) В аспирантуру сразу решила не поступать (сыта была факультетом), «к Воронкову» пошла, также как ходила в ИСРАН, куда после доклада на какой-то студенческой конференции пригласил меня теперь уже забытый мной сотрудник «познакомиться». В списке была еще «Карабелка», но до нее уже не дошла, застряв на п. «Воронков».

Интересно, Оксана, а сейчас Вы понимаете, что самое полезное, чем можно заниматься в юности, так это созданием «общей теорией всего»? Я забыл фамилию Нобелевского лауреата, по-моему, венгра, которого спросили, как ему удалось достичь такого выдающегося результата. Он сказал, что с детства привязывал к леске самый большой крючок, ибо считал, что лучше сорвется крупная рыба, чем мелочь. Ведь именно тогда Вы учились думать, связывать кажущееся различным и так далее.

Я отдаю себе отчет в важности своего «открытия». Не имеет значения, насколько оно было ценно для науки. Кроме навыка мыслить «широко» (вне сложившихся клише), увязывать то, что ранее никто не связывал и т.п., я испытала специфическое ощущение, которое сложно описать словами, невозможно объяснить. Оно сродни влюбленности... Его можно только пережить. Радость открытия, ощущение всемогущества, не требующее рациональных аргументов уверенность в правильности сделанного выбора, призвания, того, что «идешь своим путем»... К сожалению (или к счастью) на смену восторженности приходит отрезвление. Но, мне кажется, однажды испытав радость открытия, сложно избавиться от стремления пережить это снова.

И как Вас принял Виктор Михайлович Воронков? Чем прежде всего загрузил?

Первое знакомство с Центром независимых социологических исследований (ЦНСИ) произошло в квартире Виктора Воронкова и Елены Здравомысловой. И говорила я не с Виктором, а с Еленой. Этот разговор мы с ней вспоминаем по-разному. Даже одежду Лена приписывает мне иную, чем помнится мне. Она говорит о каких-то рюшечках, а мне кажется, что по случаю жары, я была в не слишком официально выглядывшей майке. Но фотографии при сем событии не присутствовали, объективных свидетельств не сохранилось. Я лишь помню, что нервничала как на экзамене, а от того вела себя несколько вызывающе. Лену

помню сидящей передо мной на стуле. Я сижу на диване. Помнится, была ошеломлена тем, что, перейдя «устраиваться на работу», попала в частную квартиру. Потом я еще долго привыкала к особым правилам поведения, предполагавшим, что на предложение Директора «зайти выпить чайку», нужно отвечать согласием. Тогда мое представление о субординации было во многом перпендикулярно тому, что было естественно для хозяев дома. Пришлось привыкать.

Решение, что буду я работать «только в ЦНСИ!» созрело на семинаре, куда я попала (не помню уж с чьей легкой руки) осенью 1993. Это был семинар, обсуждавший идею проекта «про русских». Предполагалось выяснить, что значит для людей «быть русским». Тема была для меня интересной. В университете зачитывалась русской философией (Бердяев, Данилевский... больше славянофилы и евразийцы) и спаривала ее (русскую философию) все с той же «Тектологией»... Неслабая смесь получилась. Тогдашнему (4 курс) преподавателю русской философии (память сохранила только его «редкую» фамилию – Иванов) очень понравилось. Бодро, патриотично и жизнеутверждающе у меня получилось... Научно доказала миссию русского народа в мире... Как теперь видится, у меня были все шансы стать идеологом какого-нибудь национал-патриотического движения. Но судьба сжалилась надо мной и решила прежде испытать меня Центром...

Так вот, тема была для меня знакомая, но подход оказался неожиданным, обсуждение заинтересованным, ни на что виденное в университете и в других местах не похожим... Помню, выйдя с этого семинара, сказала Саше Красовицкому (давно ушедшему от социологии и создавшему теперь хорошо известную музыкальную группу «Animal Jazz»): «Я хочу работать с этими людьми. В этом Центре!»

А Центра, как специального физического места в это время еще не было. Семинары проходили в помещении сектора общественных движений питерского ИС РАН (тогда еще не СИ РАН), дома у Елены и Виктора...

Кстати, так случилось, что все мои отношения с социологией были рубежными для институций, в которых я оказывалась. Факультет социологии выделен из экономического факультета в самостоятельное подразделение, когда мы учились на 2 курсе. (Как результат, ни полноценного экономического, ни социологического образования мы не получили). Собственного помещения у факультета не было, и мы почти два года ютились на последнем этаже геофака, в помещении подготовительного отделения. Дефицит аудиторий забрасывал нас в какие-то экзотические места (бывшие или нынешние райкомы, какие-то ведомства и т. п.). Нынешнее свое помещение факультет обрел, когда мы учились, если не ошибаюсь, на 4 курсе.

Потом был ЦНСИ, который в момент моего прихода только нарождался, не имел собственного офиса и обрел его почти год спустя, благодаря финансовой помощи Ингрид Освальд. Это была трехкомнатная квартира (90 кв.м.) на 12 линии ВО и тот факт, что это «офис» надо было скрывать.

Европейский университет тоже возник на моих глазах. Ходила на вечерние открытые курсы, с которых университет стартовал в 1996 году и попала в первый набор слушателей ЕУ в 1997. Наблюдала становление ныне маститых преподавателей, испытала всю жесткость еще не установившихся правил, училась в окружении талантливых людей, по большей части оставшихся в социологии:

Витя Каплун, Наташа Печерская, Елена Белокурова, Таня Бараулина (Берлин), Соня Чуйкина (Париж), талантливая, к сожалению, ушедшая из социологии Катя Герасимова..., Саша Курылев...

Вот здесь, пожалуйста, подробнее... В какие годы Вы учились в Европейском университете? Сложными ли были вступительные экзамены? Кто преподавал вам социологические, более широко – социальные дисциплины? Вы работали там над кандидатской диссертацией?

Поступила в ЕУ, если не ошибаюсь, в 1997. В 1996 году появились «открытые (вечерние) курсы» ЕУ, на которые многие сотрудники ЦНСИ (и не только они, конечно) стали ходить, а некоторые (Елена Здравомыслова) и преподавать. Нам хотелось учиться, ведь большинство из нас, несмотря на социологическое образование, «самоучки». Соцфак не готовил (и, к сожалению, не готовит) к профессиональной жизни или, как минимум, к профессиональной жизни вне своих стен. В ЦНСИ мы все учились в процессе исследований. Один из лучших способов профессионального образования, но практику необходимо сочетать с серьезной теоретической и методологической рефлексией, систематическим самообразованием. Времени на самообразование всегда не хватало. Мы, конечно, читали книги, обсуждали теории, различные методологические подходы и методический инструментарий, но оставалось ощущение фрагментарности знания и беспорядка в голове. Хотелось какой-то систематичности, углубления знаний, новых навыков...

Насколько я помню, для поступления в Европейский нужно было подать комплект документов, сдать экзамен по иностранному языку и пройти устное собеседование. Пакет документов, кроме разных формальных вещей, содержал авторский текст и заявку на проект магистерской работы. (В конце первого года учебы надо было сдать текст магистерской, что при большой учебной нагрузке было очень тяжело). Эти тексты и их обсуждение в ходе собеседования, как я понимаю, становились основой для оценки профессионального уровня потенциального слушателя. Но был еще один фактор. В заявке нужно было не просто придумать интересную тему и внятно артикулировать идеи и предполагаемые методы исследования, надо было вписаться в меню интересов преподавателей. Кто-то из них должен был «захотеть [тебя] взять». Несмотря на то, что среди преподавателей был человек (Эдуард Панарин), интересовавшийся «моей» тематикой (этническая идентификация), руководство факультета после дискуссий согласилось, чтобы моим руководителем стала Ингрид Освальд (немецкая коллега, с которой мы были хорошо знакомы по работе в ЦНСИ).

Учиться мне было сложно. Знания английского и философии не хватало. Временами спала по 4–5 часов, нагрузка была чрезмерная, требования высокими, атмосфера подавляла. За несколько лет работы в Центре, я отвыкла от позиции подчиненного («студента»), привыкла к атмосфере сотрудничества и совместного, кропотливого поиска. ЦНСИ для многих из нас выполнял роль инкубатора, в условиях, с одной стороны, суровых («грантовая экономика»), с другой, — тепличных (атмосфера взаимопомощи, совместного творчества, человеческие отношения) мы профессионально росли. В Центре никто не пытается нормировать скорость роста, каждый двигается с той, что удобна или доступна для него. В этом есть свои минусы, есть и плюсы. Европейский устроен иначе (не хуже и не

лучше), там другая система стимулов, нормативных требований, дисциплинарных практик, иные настройки ожиданий. В Европейском я многому научилась, но он меня и подавлял.

С преподавателями нам повезло: Вадим Волков читал курс по социальной теории и вел семинар по теории практик, Олег Хархордин — политическую теорию, Вадим Радаев — социальную структуру и стратификацию, Дэвид Вудрафф — Логику социального исследования, Майкл Урбан — методы анализа текста, Эдуард Панарин — этничность и национализм, Елена Здравомыслова и Анна Темкина — гендер, Александр Эткин — социологию религии, Андрей Могутов — компьютерная обработка качественных данных (анализ сетей). Возможно, я кого-то забыла. Курсы, более ориентированные на политологов (Владимир Гельман, Григорий Голосов), я не посещала.

Училась я с удивительными и талантливыми людьми, некоторых из них я называла выше. Наш курс отличался от других наборов тем, что в нем практически не было недавних выпускников, у всех за спиной был богатый профессиональный и жизненный опыт. Четверо в нашей группе были сотрудниками ЦНСИ. (Практически все сотрудники ЦНСИ рано или поздно прошли через Европейский университет).

Что касается диссертации, то, да, именно тогда я начала работать над ней (рабочее название «Языковые игры в «кавказцев» в российской официальной прессе (1992–2002 гг.)). Выросла тема из коллективного проекта «Кавказцы в крупном городе: интеграция на фоне ксенофобии».

Теперь, пожалуйста, продолжим Вашу основную тему...

Возвращаясь к знакомству с ЦНСИ, следующее, что помню об этом периоде (и, несомненно, это тоже повлияло на дальнейшие отношения с социологией и Центром. Вся соль жизни в деталях!) — плитка на стене в кухне Елены и Виктора, исписанная рукой Лены, вооруженной фломастером... (В своем интервью Вам Елена упоминает этот семинар, организованный вместе с несколькими активными студентами социологического факультета СПбГУ.)

В их (тогда она была «их») социологии была Жизнь. В ней не было столь отвращающей казенщины, показухи и дефицита мысли. Она была настоящей, самостоятельно устанавливающей порядка, главное правило которых гласило: можно и нужно все, что интересно...

Невозможно рассказать, насколько хотелось мне этой свободы и насколько тяжелым бременем была она для моих вымуштрованных зубрежкой разделов и разрезов пятилетнего плана, закованных в веру в достижимость единственно верной истины и полагающихся на всеисилие универсальных законов истории мозгов. Автор «основ методологии комплексного исследования социальных систем» терпел фиаско при столкновении с эмпирической реальностью. Моя наивная вера в то, что владею универсальным ключом ко всем вопросам мироздания («общая теория всего»), рухнула под напором простых вопросов, которые ставила передо мной жизнь. Столкновение с «жизнью», ранее спокойно текущей где-то в параллельном измерении, произошла при первой же попытке участвовать в реальном исследовании.

Квартирный опрос читателей «патриотической» прессы. Выборка строилась в опоре на листки подписчиков, выпрошенные организаторами проекта на почте. (Уж не знаю, насколько законным было предоставление этой информации работниками почты, но факт остается фактом.) По корешкам подписки на газеты «Завтра», «Русский порядок» (сейчас уже все издания не помню), чего-то еще, были вычислены потенциальные информанты. Но, как вы понимаете, на корешке был только адрес и фамилия с инициалами, никакого телефона, никакого имени... Предстояло идти по адресу, звонить в дверь, выяснять, кто по такому-то адресу выписывает такую-то газету, «можно ли с вами поговорить»... Далее из штатин доставался гайд интервью, предполагавший разговор часа эдак на полтора... (Дело происходило примерно в 1994.) Пару раз меня «спустили с лестницы». Конечно, не буквально. Просто грубо выставили из квартиры, заподозрив, что я «работаю на демократов», которые хотят всех несогласных переписать, а по доброй традиции, «если что не так», всех быстренько пересажать. Но тогда я еще была не готова к такому повороту дела и горько оплакивала свою неспособность (точнее зреющую ненависть) к желанной, но такой ужасной эмпирической работе...

Но, вероятно, мне всегда нравилась эта упругость жизни, иногда бьющая наотмашь. И люди мне всегда нравились упругие, готовые сопротивляться, не соглашаться с моим «единственно верным» мнением... Как следствие, сложности были восприняты как вызов, на который есть смысл достойно ответить. А смысл был обнаружен, ибо занимаются этим сложным для меня делом, интересные, умные люди, готовые со мной поделиться и вместе со мной учиться. И хочу я работать с ними и, желательно, не хуже.

Ольга Бредникова, которая вслед за мной и по моему предложению пришла в ЦНСИ, гораздо быстрее и естественнее влилась в работу, начала зарабатывать какие-то деньги. Не была ее профессиональная социализация отягощена тормозящими вхождение в новую социологию доморощенными позитивистскими теориями. Была она более открыта новому. Мне же предстояло (вполне добровольно) сломать свои прежние и обрести новые профессиональные убеждения. Как и прежде, я ничего не готова была принимать на веру. Нужно было по-настоящему понять и принять то, что в Центре называли неведомым ранее словом «конструктивизм». И тут, конечно, неопределимую роль играли семинары, дискуссии, обсуждения книг..

Потом (примерно через год-полтора) был первый настоящий проект («Конструирование этнических общин в Санкт-Петербурге и Берлине»), в котором была у меня кроме исследовательской, какая-то административная роль, и была первая моя регулярная зарплата (400 немецких марок, если не ошибаюсь). Участие в этом проекте позволило мне наконец на практике убедиться в том, что «быть татаринном» (я занималась этой категорией) можно совершенно по-разному... С тех пор мои профессиональные убеждения обретали все более антиэссенциалистский характер.

По результатам этого исследования был издан сборник статей «Конструирование этнических общин...» (1996), за который до сих пор нам не стыдно... Он был важным для продвижения в России качественной социологии и конструктивизма. Мы были пионерами, первопроходцами. И, конечно, тогда мы были еще в самом начале пути и многого не понимали...

Я ошибаюсь или так оно и есть? У Вас агрессия против того, что Вы называете позитивизмом, т. е. «демоскопические» методы? А не кажется ли Вам, что и эта парадигма, философия познания достаточно плодотворна, что у нее были, есть и будет огромное поле приложения? Или я подставляю Вас, подталкивая идти против религии ЦНСИ?

Я несколько утрирую, но, если пронумеровать вопросы, то в одной парадигме мои ответы выглядели бы так: 1. Вы ошибаетесь, 2. Нет, 3. Да, 4. Нет. Или так (столь же искренне): 1. Вы правы, 2. Да, 3. Нет, 4. Нет. Возможны и другие варианты, включающие различные степени неопределенности.

В другой парадигме ответ будет в десятки раз многословнее, станет включать вопросы и комментарии почти к каждому Вашему слову: Что такое «агрессия»? Об отношении к чему Вы спрашиваете: к «опросам общественного мнения» или к «позитивизму»? Говоря о «религии ЦНСИ», Вы имеете в виду институционализированный догматизм, коллективный и индивидуальный отказ от критической рефлексии теоретических, методологических оснований работы, веру в единственно верную, провозглашенную кем-то из «классиков» истину? (У меня много вопросов... И мой ответ на вопрос зависит от того, какие ответы на свои вопросы я получу...)

Такое расспрашивание, хоть и разрушает формальную процедуру интервью и превращает его в свободный разговор (диалог), в котором роли участников не закреплены, властные отношения не предписаны и т.п., более плодотворно для обеих сторон взаимодействия (если, конечно, мы ставим задачу понять, как устроены миры, в которых мы живем).

В наиболее общем виде, мое объяснение выбора в пользу второй парадигмы (понимающая, рефлексивная социология, конструктивистский подход) связан с тем, что мне не интересны («объективные») факты, а интересны истории, которые всегда пишутся из какой-то перспективы (или социальной позиции); мне не интересны универсальные законы, а интересны исторически изменчивые правила. С моей точки зрения, иллюзию того, что факты могут быть объективными, законы универсальными, можно поддерживать, лишь пренебрегая контекстом их производства (разорвав связи со исторически преходящими инструментарием и процедурами сбора, сортировки, анализа эмпирического материала, выключая рефлексии по поводу цели исследования и практик использования результатов и т. п.). Мне кажется, что без учета контекста социальная жизнь не может быть понята, ответ не может быть интерпретирован.

Опросы общественного мнения (к использованию которых в социологическом исследовании, я отношусь скептически или «агрессивно»¹) опираются на базовое (не вопрошаемое) допущение, что информант разделяет с исследователем видение и язык описания того, «как оно есть на самом деле»; что исследователь, задавая, а информант отвечая на вопрос, одинаково его понимают; что смысл «да», «нет», «не знаю» информанта будет прозрачен для исследователя и т. д. Как только исследователь начинает сомневаться в этих допущениях,

¹ Я давно написала текст про то, какие риски несет в себе использование опросов при разговоре о «межэтнических отношениях» (Карпенко О. Как эксперты производят «этнофобию» // Расизм в языке социальных наук / Под ред. Воронкова В., Карпенко О., Осипова А. СПб.: Алетейя, 2002. С. 23—28. В сборнике Расизм в языке социальных наук).

он вынужден выходить за пределы этой парадигмы, работать со смыслом, с контекстом высказываний, рефлексивно отнестись к своей собственной социальной (в т. ч. профессиональной) позиции и т. д.

Проблема с опросами состоит в том, что полученные ими факты (вне зависимости от того, насколько технически правильно опросы проведены) не наделяются самостоятельной (социологической) ценностью, а оказываются аргументами в историях, как правило, имеющих отношение к управлению «ресурсами» (человеческими, финансовыми и т. п.). Они играют важную роль в обществе, ассоциирующем любую (в т. ч. социальную) науку с математическими формулами, цифрами, таблицами и графиками, но из этого не следует, что социологу стоит поддаваться их (цифр) очарованию. С моей точки зрения, социологам следует изучать истории производства и бытования количественных показателей, роль, которую они играют в обществе. Для меня, например, вполне убедительные ответы на ключевые вопросы о бытовании опросов общественного мнения сформулировал Патрик Шампань («Делать мнение»).

С моей точки зрения, последовательное и сознательное следование конструктивистскому взгляду на вещи, помогает освобождаться от стереотипов и предубеждений, вопрошать сложившиеся властные отношения, развивает эмпатию, рефлексивное, ироническое отношение к себе. Быть может, именно этот эмансипаторский потенциал конструкционизма, встроенные в него стимулы к постоянному интеллектуальному и личностному развитию, мне импонирует. Но, к сожалению, далеко не всегда этот потенциал используется.

Оксана, большое спасибо... я придерживаюсь правила: «мой собеседник — прав». Иначе каждое мое интервью превратилось бы в бесконечный текст, хотя я и к этому готов. У меня на выходе интервью с молодым социологом, в котором уже более 400 000 (пять нулей) знаков... но готовы ли Вы к такому эксперименту? От себя же замечу, что в 75-летних рядах Гэллапа, показывающих динамику отношения американцев к числу детей в семье, обладанию оружием, курению... вижу такую же правду и поэтику, как в Гоголевской «Шинели» — величайшее социологическое произведение.

Мы с Вами остановились на событиях конца 1990-х, а уже — середина 2010-х, т.е. прошло полтора десятилетия. Уверен, сделано немало. Но нельзя ли охарактеризовать в целом направление Ваших научных интересов и самые общие выводы из проведенных исследований.

Ваша первая фраза является прекрасным примером того, как можно сигнализировать о несогласии, утверждая, что собеседник прав.

Лично мне нравится, когда со мной спорят, и сама я часто начинаю спорить, нередко с позицией, которую в целом разделяю. Мотивация вполне эгоистическая: хочется усиления уже существующих и появления новых аргументов. Такая вот эксплуатация интеллектуальных возможностей собеседника. Но, ясно, что не всегда есть время и силы для таких разговоров... Да и ситуация исследовательского интервью отличается от просто разговора двух людей, налагает определенные ограничения на наше поведение. Предполагается, что интервью (даже самое свободное и нарративное) имеет некую цель, должно быть не только начато, но, желательно, и закончено ... Мне нравятся разговоры. К ним мы не

предъявляем таких требований. Они могут не иметь цели, быть ни о чем, но при этом подтолкнуть к интересным идеям... Возможно, именно поэтому работать я люблю с текстами, а с людьми предпочитаю разговаривать.

Я говорила выше про кровавое побоище со сложившимися за годы учебы в университете убеждениями. Решиться на такую рефлексивную работу, как мне представляется, можно только осознав окружающий мир как равный миру социальных теорий, а других людей как проводников по множеству неизвестных миров. С моей точки зрения, последовательно конструктивистская (или конструкционистская) позиция, если мы говорим об эмпирическом исследовании, предполагает освобождение от стереотипов и ментальных клише. Это не означает отсутствия опривыченных схем сбора материала и его анализа, устойчивых исследовательских практик или аргументов. Социолог-эмпирик, работающий в конструктивистской парадигме, состоит из уважения и любопытства к многообразию мира (эмпирик), профессиональных (теоретических, методологических) знаний, навыков полевой работы и анализа (социолог), систематической рефлексии властных отношений, в которые она/он оказывается вовлечена (критическая рефлексия).

Мы можем сколько угодно строить умозрительные теории, но эмпирическая реальность оказывается более сложной, противоречивой, строптивой, чем любая стройная и красивая теория. Это вовсе не стоит понимать так, что я имею что-то против теорий. Просто мне гораздо более симпатичен принцип, ассоциированный с Grounded theory. Исследователю необходимо постоянно пополнять свой теоретический багаж, но стоит очень осторожно и рефлексивно относиться к привлечению теорий к объяснению наблюдаемого. Самое печальное происходит, когда исследователь-эмпирик запикивает богатство эмпирических данных в заранее известную объяснительную схему. Он лишает себя возможности найти собственное объяснение происходящему. Другая крайность, когда исследователь не стремится теоретически осмыслить эмпирический материал, полагая, что «материал сам за себя говорит». Но материал всегда говорит из перспективы исследователя и выдает, если последний не имеет внятной теоретической, методологической позиции.

Что касается Вашего замечания про Гэллапа и Гоголя: как человек, который мигрировал между парадигмами, я знаю, что источником вдохновения могут быть очень разные вещи. В творческих профессиях именно вдохновение является движущей силой и внутренней мерой успеха. Кого-то вдохновляют таблицы распределений или количественный контент-анализ ... Меня не вдохновляют. Я пробовала.

Возвращаясь к истории отношений с социологией. В проекте 1996–1998 года («Кавказцы в крупном городе: интеграция на фоне ксенофобии») мне пришлось заниматься количественным контент-анализом. Не припомню в своей профессиональной жизни более тоскливого занятия (начало 1990-х компьютерных баз данных тогда не было, так что все делалось вручную). Разработанная схема работы не вмещала всего того, что мне казалось интересным. «Тупое» заполнение таблиц рождало скуку, скука подтолкнула к поиску более комфортных для моей головы подходов к рассмотрению и анализу текстов. Еще не понимая, как буду с ними работать, я выписывала большое количество цитат, копировала и сохраняла некоторые наиболее заинтересовавшие меня тексты...

В довольно беспорядочном поиске, я наткнулась на статьи лингвистов, среди которых были тексты Теуна ван Дейка (критический анализ дискурса), тексты по анализу метафор Дж. Лакофф, М. Джонсон и т.д. Эти довольно случайные находки на длительное время определила направление моих профессиональных поисков. Стало интересно понять, как язык «работает» (анализ дискурса), и каким образом в языке (вос)производятся властные отношения (критический анализ дискурса). (Потом (уже в Европейском университете и после него) был Л. Витгенштейн, М. Фуко, разные критические дискурс аналитики, Э. Лакло и Ш. Муфф, теория фреймов, теория практик и многое другое.)

Воспользовавшись материалом, собранным в ходе «кавказского» проекта, оперевшись на теорию конструирования социальных проблем и категорию «справедливости» («общего блага»), я описала три дискурсивные стратегии обращения с «гостями с юга» (или, как я иногда говорила, правил языковых игр (Л. Витгенштейн) в «кавказцев»). В первой статье на эту тему, написанной в 2000 г. и опубликованной в 2002 г., были использованы достаточно неуклюжие наименования этих типов: «охранная» или «хозяйская» стратегия, «этническая» или «самобытная», «правозащитная» или «законная». Эта терминологическая неуклюжесть была отчасти компенсирована пояснениями различий и указаниями на конкретные примеры работы этих стратегий. Тогда же я стала серьезно размышлять над и писать о метафоре «дом» («хозяева» vs «гости»), конституирующей первый тип стратегии. До сих пор я считаю ее важным ключом к пониманию доминирующего в России отношения к миграции, мигрантам и всему «иностранному». Также мое внимание привлекло часто используемая в разговорах о миграции поговорка про свой устав, с которым в чужой монастырь не ходят... Анализ использования этих метафоры и поговорки многое проясняет и в устройстве правового сознания россиян.

Когда-то сферу своих интересов я сформулировала так: хочу понять, чем рабочий отличается от русского? Многим такая постановка вопроса покажется наивной и/или лишенной смысла, но меня занимало различие в правилах (вос)производства, взаимодействия систем категоризации. Особенно тех, что конституируют «классы», «культуры», «самосознания», «этнос», «расы». Быть может это вывело меня на «(наш) народ», бытование которого в разных текстах (особенно в школьных учебниках по обществоведению и истории) занимает меня последнее время.

Слово «народ» замечательно тем, что в него вкладываются все интересовавшие меня смыслы. В зависимости от контекста «наш народ» может рассматриваться а) как конституированный «культурой», и в этом качестве противопоставлен «иностранцам» (этнокультурное прочтение); как конституированный отношением «труду» и опыту эксплуатации, и в этом качестве противопоставлен «капиталистам» (классовое прочтение); привязан к определенному «мировоззрению» и отрезан от «ложных идеологий» (идеологическое прочтение) и т.п. Именно поэтому «(наш) народ» может быть эффективно использован как инструмент манипуляции.

Интересным оказывается наблюдать, при каких обстоятельствах, и с какими последствиями происходит переключение и наложение этих многочисленных значений в конкретных контекстах (например, в советском учебнике Истории СССР или Грузии или в современных учебниках Истории Отечества). Этим

я занимаюсь несколько последних лет, сравнивая советские и постсоветские, российские и грузинские школьные учебники истории. Раньше я анализировала учебники обществоведения и методические пособия по этнокультурному образованию.

Мне кажется, что в свое время мы выпустили важные для российского социологического сообщества книги: «Конструирование этничности. Этнические общины в Санкт-Петербурге», «Расизм в языке социальных наук», «Расизм в языке образования». Две последние были сборниками статей (переработанных докладов) участников одноименных семинаров, проведенных в ЦНСИ. Эти семинары (в организации которых я принимала активное участие) и книги (которые собирала и редактировала) связали интересных, рефлексивных, думающих исследователей (Владимир Малахов, Сергей Абашин, Павел Романов, Елена Ярская-Смирнова, Виктор Шнирельман и др.) и стали источником методологических размышлений для многих читателей как внутри, так и вне профессионального сообщества.

Как изменилась, расширилась концептуальная, методологическая база Ваших исследований?

Эту эволюцию сложно проследить. Понимание конструкционистской парадигмы пришло в ЦНСИ и не столько из чтения «Социального конструирования реальности» (П.Бергер и Т.Лукман) и т.п., сколько из опыта полевой работы с «татарами» в проекте «Конструирование этнических общин в Санкт-Петербурге и Берлине». Вроде бы понятные, но абстрактные идеи помогли разобраться с конкретным эмпирическим материалом.

Пытаясь осмыслить бытование «кавказцев» в российской прессе, я воспользовалась теорией конструирования социальных проблем, так как именно аспект (проблематизация присутствия «гостей с юга») интересовали нас в проекте. В работе с языком отсутствие какого-либо лингвистического образования (кстати, важное упущение образования социологического), с одной стороны, мешало, с другой, — помогало работать с текстами. Мешало, так как большинство работ по анализу дискурса написано лингвистами, в них используется специфическая терминология, авторы ссылаются на круг авторов, мало знакомых социологам, получившим образование в наших госвузах и т.п. С другой стороны, отсутствие специализированных знаний помогает шире посмотреть на вопрос.

«Фреймы», «практики», «дискурсы» и многое другое пришло ко мне в Европейском университете. Поиск и самообразование, чтение литературы и работа с текстами постепенно помогли разобраться с тем, что же такое «дискурс».

Сегодня для меня использование термина «конструирование» предполагает сознательное принятие в качестве базового допущения тезиса, что социальная реальность, в том виде как она нам известна, неразрывно связана с коммуникацией и не может быть помыслена вне знаковых систем. Так как познание и коммуникация невозможны без посредничества знаков, знание с неизбежностью относительно, всегда определяется параметрами посредника — знаковой системы и дискурсивных (связанных с использованием этой системы) практик, выбранных для ее (реальности) артикуляции. Термин конструирование указывает

на неизбежный и неизгладимый отпечаток, который на любом факте оставляют артефакты и на принципиальную невозможность получить чистое, лишённое этого отпечатка, знание.

Оксана, о, Бог ты мой, но это очевидно, вся логика, методология, теория, технология, практика измерения (более широко, теоретико-эмпирического познания) исходит именно из этого положения. И в широком плане давно известен ответ: измерение (теоретико-эмпирическое познание) – это процесс. Или я нечто важное в Ваших рассуждениях, построениях не допонял, упустил?

Частота заявлений социологов о том, что они применили исследовательские методы, открывшие им доступ к объективному знанию, мешают мне согласиться с Вами. Кроме того, я говорила не об измерении, а о том, что исследовательские подходы (в т.ч. включение измерения в дизайн исследования, выбор конкретных процедур и инструментов измерения) зависят от того, как мы видим объект исследования, где размещаем себя по отношению к этому объекту и т.п. Зачастую исследователи не отдают себе отчет в значимости языка (дискурса), которым они пользуются для постановки исследовательских проблем. Например, за разговорами о «нелегальных мигрантах» и «недокументированных мигрантах» стоят совершенно разные парадигмы обращения с миграцией и мигрантами, разный репертуар исследовательских вопросов, способов их решения, ассортимент признаваемых уместными аргументов. Или Вы в своем вопросе отождествили «измерение» и «теоретико-эмпирическое познание». Мне кажется, что такое отождествление характерно для объективистской парадигмы, полагающей измерение важнейшим атрибутом описания феноменов. Если мы полагаем, что стоит уделять внимание интерпретациям, контекстам производства знания, способам артикуляции и т.п., то измерение перестает быть центром процесса социального познания.

Оксана, Вы преподаете? Если «да», то кому и какие курсы, если нет, то почему?

Я никогда не читала курсов лекций, хотя были периоды, когда очень активно работала со студентами, приходившими в ЦНСИ на практику. Мой преподавательский опыт ограничивается отдельными лекциями и семинарами для студентов и/или слушателей курсов повышения квалификации (довольно долго в московском СИ РАНе существовали курсы, организованные образовательным центром, возглавляемым Сергеем Кухтериним. ЦНСИ дополнял теоретические курсы, которые читались в Москве, практикумами по методам исследования.) В принципе мне всегда было интересно преподавание и, полагаю, я была бы неплохим преподавателем. Быть может слишком требовательным. Мне бы хотелось, чтобы студенты думали. К сожалению, далеко не всем людям, проходящим в вуз, интересен этот процесс.

Вообще мне кажется, что любопытные студенты играют важную роль в социализации ученого. Хороший студент дает профессионалу не меньше, чем профессионал дает студенту: еще не растроченный в рутине исследовательской работы задор, вопросы и ожидание чего-то нового во взоре... Думаю, работа со студентами многих из нас это стимулировала к поиску новых и нетривиальных подходов...

Но жизнь сложилась так, что никогда на это не было времени. Я занималась исследовательской и административной работой в ЦНСИ, координировала различные программы, организовывала конференции, редактировала книги и т.п. У меня просто не было времени и сил на разработку полноценного курса лекций и семинаров. Не исключаю, что займусь преподаванием в будущем.

Оксана, не хотите ли Вы кратко рассказать о тех событиях, которые в последние месяцы переживает ЦНСИ, и чем, по Вашему мнению, все завершится?

Люблю истории и эта со временем станет одной из любимых. Но пока мне сложно говорить о происходящем с иронией, которой этот рассказ достоин.

Сомневаться в историческом значении происходящего не приходится. Очередной поворот на ухабистой дороге, по которой движется российское общество к своему неизменно светлому и всегда будущему. С моей точки зрения, проблема в том, что видение этого будущего упорно заталкивают в концепты «(народного) единства» и «(русского) порядка». Хочется больше уважения к различиям, человеческому достоинству и творческому беспорядку. Однако вернемся к Вашему вопросу.

Эта история началась давно. Я бы датировала ее начало 2007 годом, когда миру был явлен концепт «суверенная демократия». С тех пор «угроза суверенитету» неизменно нарастала, стимулируя мыслительную деятельность народных избранников, порождая законодательные новеллы, среди которых видное место заняли законы «об иностранных агентах» (2012) и «о нежелательных организациях» (2015). Первый усматривает основную угрозу «национальной безопасности» в деятельности некоммерческих организаций, второй, – в присутствии в России иностранных фондов, поддерживающих, с моей точки зрения, безусловно полезную для российского общества работу этих самых организаций.

Первый опыт применения закона «об иностранных агентах» в отношении ЦНСИ, мы (как и многие другие НКО) получили в марте-апреле 2013 года. Тогда нас проверяла Прокуратура РФ и по результатам выдала «предостережение». Стремясь к максимальной открытости и гласности, [мы комментировали](#) происходящее на сайте Центра, выражали [солидарность](#) с теми [организациями](#), которым уже тогда было предписано зарегистрироваться в реестре. 1 августа 2014 года распространили [открытое письмо](#), в котором выразили позицию Центра по поводу закона и его применения.

Следующая (внеочередная) проверка Минюста РФ началась в сентябре 2014 и закончилась актом об отсутствии нарушений. Плановая проверка того же ведомства, произошедшая через несколько месяцев (февраль-март 2015 г.) нарушения выявила (см. [Предупреждение](#)). Нам было предложено подать заявление о внесении ЦНСИ в реестр «инагентов». Мы отказались, написали [открытое письмо](#) и начали [сбор подписей](#) в поддержку нашей позиции. В течение десяти дней его подписали более 1300 социальных ученых из почти 100 центров социальных наук России и мира. Среди них: НИУ ВШЭ (СПб, Москва), Европейский университет в Санкт-Петербурге, СПбГУ, Социологический институт РАН, Самарский, Казанский университеты, Центрально-Европейский Университет, University of Berkley, Oxford University, Sciences Po (Paris), Paris IV-Sorbonne,

University of Caen (France) EHESS (Paris), University of Manchester, University of Cambridge, European University Institute, Florence, University of Glasgow, University of Eastern Finland и др.

Было бы наивным полагать, что наши аргументы и голоса международного профессионального сообщества будут услышаны и приняты во внимание государственными органами. Но мы не считаем, что государство должно быть нашим единственным собеседником в этой ситуации. Мы хотели говорить с сообществом, в котором мы живем. Сообщество нам ответило поддержкой. А поддержка и взаимопомощь в сообществе не менее важна, чем решение суда в твою пользу.

В начале июня 2015 г., в ходе рассмотрения дела мировым судьей, «установлено», что «[Д]еятельность организации относится к политической путем сокрытия под научной и экспертной» (чуть ниже об этой формулировке). По решению суда, ЦНСИ должен выплатить 300 000 руб. за то, что «выполнял функции иностранного агента» (т.е. получал иностранное финансирование и осуществлял «политическую деятельность») без внесения в реестр инагентов; и 15000 руб. за то, что не выполнил предписание Минюста добровольно в этот реестр встать. Судья полностью игнорировал наши аргументы (что перечисленная в Предупреждении деятельность носит профессиональный и научный характер и по закону не может быть отнесена к политической), солидаризовался с позицией Минюста и эксперта-автора приведенной выше формулировки про «...относится к политической, путем сокрытия под...».

Эта безграмотная, но очень действенная формулировка (и Минюст и мировой судья на нее опираются, артикулируя свои решения) принадлежит перу д.ф.н., профессора Лебедева Сергея Викторовича, заведующего кафедрой философии "Высшей школы народных искусств (институт)" ([ФГБОУ ВПО ВШНИ](#)), борца с «эксплуатацией наших мозгов» (см., например, [«Западные грантодатели по-черному эксплуатируют наши мозги»](#)), привлеченного Минюстом в нарушение правовых процедур.

22 июня 2015 года АНО «Центр независимых социологических исследований» был насильно внесен в реестр решением Минюста РФ. Мы с этим решением не согласны и продолжаем защищать свое право заниматься исследованиями без внесения в реестр. Была подана апелляция на решение мирового судьи в Куйбышевский районный суд. Ждем назначения даты слушаний. Если решение будет вынесено не в нашу пользу, будем оспаривать дальше, но в течение 2 мес. будем вынуждены выплатить штраф. Вероятно, в этом случае мы обратимся к сообществу за помощью.

Недавно мы сдали квартальный и полугодовой [отчет о деятельности](#). (Как Вы, возможно, знаете «инагенты» должны сдавать в Минюст ежеквартальные финансовые отчеты, полугодовые содержательные, проходить ежегодный аудит.) В нем мы продолжаем утверждать, что «политической деятельностью» не занимаемся, ибо нам до сих пор никто не пояснил, на каком основании наша профессиональная деятельность отнесена к «политической».

Так или иначе, административные проблемы, связанные с бюрократией, решаемы. Тенденция к бюрократизации наблюдается во всем. Сложнее с возможностью работать в контексте этого разливающегося в обществе страха и подозрительности. Социология, которой мы занимаемся, опирается на доверие

и готовность к диалогу. С этим всегда было сложно, когда мы общались с государственными структурами. Пока законодательно общение государственных мужей и служащих с «инагентами» не запрещено (хотя инициативы, связанные с ограничением такого общения, существуют), но очевидно, что итак трудно- и времязатратный доступ в контролируемые государством поля, станет почти невозможным. Плюсом нашей позиции является то, что мы – социологи, а посему не чувствуем себя жертвами системы, а рассматриваем происходящее как доступ в поле, как возможность эту систему изучать изнутри.

Не люблю прожективных вопросов, и все же... Допустим, Вам предоставили на полгода полную свободу: «любой режим деятельности, достаточное финансовое обеспечение, исследуй и пиши что хочешь». Чем бы Вы занялись?

Отправилась бы путешествовать, куда глаза глядят. И ничего не писать по нужде, а только то, что захочется написать. Но, если спуститься на землю, то... закончила бы исследование, которое сейчас веду (сравнительный анализ советских и постсоветских учебников истории), закончила бы давно ожидающую завершения серию статей про траектории ухода (разных постсоветских обществ) от советского исторического дискурса. Дописала бы диссертацию...

Успехов, Вам, Оксана.